

О СООТНОШЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ 60–80-х гг. XX в.: СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЙ МЕТОД

На основаниях метода субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса в статье обосновывается мысль о единстве фундаментальных постулатов деятельностной и коммуникативной программ (парадигм) в отечественной философии 60–80-х гг. XX в.

Ключевые слова: отечественная (русская) философия советского периода, проблема субъекта и объекта, субъект-объектная парадигма историко-философского процесса, парадигма (теория) деятельности, коммуникативная программа.

Осмысление путей развития отечественной философии в XX веке с позиций субъект-объектной парадигмы историко-философского процесса (В.В. Соколов, М.В. Желнов, Э.А. Каменский, К.Н. Любутин, В.Ф. Кузьмин, М.К. Мамардашвили, В.С. Швырев, В.А. Лекторский, В.Ф. Пустарнаков и др.) имеет ряд преимуществ, главное из которых состоит в нахождении некой системы координат, позволяющей соединить воедино кажущиеся до этого разнородными смысловые комплексы и категориальные системы.

Названная парадигма исходит из понимания современного процесса развития философской рациональности как перехода от ее классической к неклассической форме, в эпицентре которого находится изменение отношения между субъектом и объектом, изменения их формы. В отечественной философии соответствующий переход совпал с закатом «онтологизма» «классической плехановской метафизики» в 60–80-е гг. XX в. и ознаменовался мощными процессами «гносеологизации», «логизации», а затем и «антропологизации» субъект-объектного отношения [13, с. 9–12].

Этот самый «антропологический поворот» и вызвал к жизни известное противопоставление оснований двух программ гуманитарного знания – теории деятельности и коммуникативных концепций. Поэтому наша задача как раз и состоит в попытке подведения под общее основание на позициях субъект-объектного анализа двух конкурирующих категориальных систем, организующихся вокруг категорий деятельности и коммуникации.

Вообще, интерес к феноменам коммуникации есть определенная черта нашего времени:

мы наблюдаем те же процессы, что и в западной философии XX века, которые Ю.К. Мельвилль назвал «коммунологической тенденцией». Она центрируется вокруг перехода «от гносеологического к коллективному субъекту», когда «...социум, культурное языковое сообщество людей, является... высшим арбитром во всей практической и теоретической деятельности...» [12, с. 8–9]. Коммунологическое движение легко включает в себя феноменологию слова, текста, ценности, общения, понимания, диалога, культуры, мифа, символа и т. д.

В нашем случае можно говорить и о коммуникативной парадигме в отечественной философии вт. пол. XX в. как о явлении. К ней следует отнести те теории, в которых субъект-объектное отношение обычно фиксируется в категориальной системе «субъект-субъект»; это прежде всего, философия диалога (М.М. Бахтин, В.С. Библер, М.Я. Гефтер) и философия структурно-семиотической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров, Вяч.Вс. Иванов).

Интересно, что современная критика парадигмы деятельности с позиций коммуникативной программы повторяет критическую схему, выработанную в самом разгаре «антропологического поворота» в отечественной философии в 60–80-е гг. XX в. (Э.Г. Юдин, «поздний» Г.С. Батищев, А.П. Огурцов, Л.П. Буева, Б.Ф. Ломов и др.). Эта схема и вызывает разночтения по поводу объема феномена, называемого деятельностью.

Первые два взаимоисключающих тезиса критики обнаруживают «двойную детерминацию» деятельности. С одной стороны, субъект противопоставляет себе объект как материал, предмет. В этом случае деятельность принад-

лежит субъекту целевой, ценностной и смысловой активности и оценивается как метафизическое основание современной цивилизации, проповедующей гибельный активизм, когда весь мир становится для человека лишь средством (Э.Г. Юдин, А.П. Огурцов) [15, с. 69].

С другой стороны, деятельность субъекта через интериоризацию предметных операций попадает в зависимость от предмета и объекта деятельности. Происходит субстанциализация суверенного мира человека, его объективация. Тогда уже человек становится рабом мира вещей (Э.Г. Юдин, «поздний» Г.С. Батищев, Л.П. Буева) [15, с. 68].

Гарантией от поглощения предметом видится развитие субъект-субъектного в ущерб субъект-объектному отношению («поздний» Г.С. Батищев, Б.Ф. Ломов). Выход из дилеммы «поздний» Батищев обнаруживает в принципиально «непредметной» субъект-субъектной коммуникации, «глубинном общении», которое якобы не может быть схвачено категорией «деятельность», как по природе субъект-объектным отношением [1, с. 175–176]. В этом суть третьего тезиса.

Но в том-то и дело, что аргументация «двойной детерминации» как раз и свидетельствует о том, что критика ведется с позиций классического двусубстанциализма, не способного охватить феномен предметной деятельности как метафору нового, неклассического типа рациональности. Именно парадигма субъект-объектности позволяет вывести анализ категории деятельности из плена безысходных дихотомий классической философии. В этом плане вытесненный впоследствии в тень самим автором принцип единства деятельности и коммуникации (общения) как путь «полного и бескомпромиссного сращения и взаимопроникновения деятельности и общения» [2, с. 208] приобретает наибольшую онтологическую и методологическую глубину (единство субъект-объектного и субъект-субъектного принципа взаимодействия) и открывает возможности для дальнейшего синтеза категориальных систем двух парадигм. Сумму этого синтеза можно представить как единство основных метафизических и гносеологических оснований этих программ.

Во-первых, мы обнаруживаем единство в описании таких феноменов, как деятельность и коммуникация (понимание, интерпретация,

диалог и т. п.). Так теоретики теории предметной деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, М.С. Каган, В.Н. Сагатовский, В.С. Швырев, В.А. Лекторский и др.) как раз исходят из идеи опосредования в деятельности субъекта и объекта, внутреннего и внешнего, экстериоризации и интериоризации, опредмечивания и распредмечивания. Еще С.Л. Рубинштейн утверждал, что «...деятельность человека – не реакция на внешний раздражитель, она даже не делание, как внешняя операция субъекта над объектом, – она «переход субъекта в объект»... Но за сомкнувшейся, таким образом, связью ... в деятельности человека сейчас же открывается другая фундаментальная зависимость, идущая от объекта к субъекту. Опредмечивание или объективирование не есть «переход в объект» уже готового, независимого от деятельности данного субъекта, сознание которого проецируется вовне. В объективировании, в процессе перехода в объект, формируется сам субъект» [14, с. 25]. Это толкование и есть суть того решения, когда эти встречнонаправленные векторы онтологически представляют один и тот же акт и процесс, «...который имеет двоякий результат: преобразование внешней реальности и преобразование самого деятеля...» [9, с. 32]. Эти определения окончательно избавляют принцип деятельности от признаков «двойной детерминации». Их следует считать отправными.

Таким же образом и понимание, интерпретация не детерминированы ни объектом, текстом, ни субъектом, интерпретатором. В теории диалога (М.М. Бахтин) текст не только объект, не только замысел автора, но и осуществление замысла, «событие текста», совершаемое «на рубеже двух сознаний, двух субъектов», автора и интерпретатора [3, с. 303]. В структурно-семиотических концепциях (особенно у Ю.М. Лотмана) культура как текст и текст как система начинает порождать смыслы лишь тогда, когда выводится из состояния равновесия благодаря действию субъекта-интерпретатора, когда «...объект в процессе структурного описания ... доорганизовывается...» [10, с. 91]. На месте онтологии деятельности в коммуникативных теориях мы находим формулу двустороннего, встречнонаправленного смыслового отношения.

Во-вторых, неклассическая философия находится в поиске универсальной единицы измерения, способной схватить такое отношение.

Посредник, репрезентант классической философской рациональности приобретает очертающие операции, структуры действия, приводящей к изменению ситуации.

В теории деятельности коренным образом происходит переосмысление категории предмета. С одной стороны, само собой, предмет не задан субъективно, с другой стороны, его характеристики последовательно отгораживаются и от понятия вещи классического объективизма как сущности, противостоящей и объективирующей субъекта восприятия и мышления. Онтологически предмет есть предметное действие, единство субъекта и объекта. Э.В. Ильенков таким образом определял идеальный образ предмета, который есть «...форма вещи, но вне этой вещи...», которая «...и существует только как форма (способ, образ) живой деятельности... и ни в коем случае не как вещь...» [7, с. 221, 226].

В неклассической трактовке предмет определяется как «общественный предмет», «одухотворенный предмет», «человеческий смысл», «знак» «схема действия» – то есть способ, которым объект дан субъекту в актах его деятельности (А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Э.В. Ильенков, И.В. Бычко, В.П. Иванов, О.Г. Дробницкий, Э.Г. Юдин, К.Н. Любутин) [11, с. 159].

В коммуникативных теориях в качестве динамического репрезентанта выступают значение, ценность, слово, поступок, событие, символ. Все эти понятия суть дериваты смыслового отношения и могут быть объединены на основе категории смысла.

Коммуникативные теории понимают общение не как простую передачу значений, но как создание смысла. Смысл не дан ни субъективно как актуальный (субъективистские теории), ни объективно как вещь (объективизм). Актуальный смысл возникает «на рубеже двух сознаний» и одинаково принадлежит тексту и интерпретатору (Ю.М. Лотман), автору и интерпретатору, говорящему и слушателю (М.М. Бахтин). «Смысл потенциально бесконечен, – пишет Бахтин, – но актуализироваться он может лишь соприкоснувшись с другим смыслом... Актуальный смысл принадлежит... двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам» [4, с. 370].

Поэтому смысл в теориях коммуникации, как и предмет в теории предметной деятельности, есть действие и представляется в схеме действия, смыслового отношения. Онтология дея-

тельности тем самым принципиальным образом разрушает доводы критиков, тяготеющих к классической онтологии «двойной детерминации», и способствует утверждению принципа единства деятельности и коммуникации как целостной онтологии и методологии новой, неклассической рациональности.

В теории деятельности свойство предмета быть общественным, «человеченным» предметом означает смысловое отношение к другому человеку, субъект-субъектное отношение. Предмет является репрезентантом другой личности как общественного человека, каким бы ни было пространственное и временное расстояние между ними. Поэтому отношение (в том числе коммуникация, диалог) к предмету входит в отношение к другому человеку (Э.В. Ильенков, О.Г. Дробницкий).

Более того, предмет как общественное отношение осуществляет «...связь времен, историческую эстафету поколений...» [6, с. 220] в культуре как «неорганическом теле», делающей человека «тем, что он есть» [8, с. 395, 393, 390]. Между прочим, таким же способом и В.С. Библер определяет культуру как «плоть бытия-общения», форму одновременного бытия прошлых, настоящих и будущих поколений [5, с. 297, 289].

И, наоборот, как мы обнаружили, в коммуникативных теориях отношение «субъект – субъект» легко заменяется отношением «субъект – объект». Другой стороной коммуникации, диалога становится не обязательно другой человек, но и «человекоразмерный» системный объект в форме культуры как сложно структурированного текста, текста, ценности, символа, мифа.

То есть аргументация критиков как раз не учитывает изменения формы субъекта и объекта, имеющей место в неклассической философии вообще и в деятельностной ее парадигме в частности, которое и снимает противоречие в описании субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия.

Поэтому для теории деятельности отнюдь не закрыты субъект-субъектные, «непредметные» области (той же культуры, текста, ценности и символа). Напротив, ее разрешительные и синтезирующие ресурсы кажутся шире в силу многомерности предмета (А.Н. Леонтьев, К.Н. Любутин, М.С. Каган, В.Е. Кемеров) – способности быть предметом восприятия, знания, поступка, возможности включить богатство не-

вербальных, «допороговых» смысловых его форм (нарратива, метафоры, символа). Деятельность как ключевая абстракция и схема решения проблемы субъекта и объекта в силу этих обстоятельств более универсальна и способна вобрать в себя аналогичные объяснительные схемы категориальных систем других парадигм, прежде всего коммуникативной.

Таким образом, применение метода субъект-объектной парадигмы историко-фило-

софского процесса позволяет установить фундаментальное онтологическое и гносеологическое единство двух основных программ гуманитарного знания в отечественной философии 60–80-х гг. XX в. – деятельности и коммуникации. Поиск в этом направлении, безусловно, открывает новые перспективы для их интеграции в будущем в целостность, повторяющую контуры самой русской философии XX в. как единого проекта.

Список использованной литературы:

1. Батищев Г.С. Деятельностный подход в плену субстанциализма / Г.С. Батищев // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – С. 169–177.
2. Батищев Г.С. Единство деятельности и общения / Г.С. Батищев // Принципы материалистической диалектики как теории познания. – М.: Наука, 1984. – С. 194–210.
3. Бахтин М.М. Проблема текста / М.М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 299–317.
4. Бахтин М.М. Из записей 1970–1971 годов / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 355–380.
5. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
6. Дробницкий О.Г. Природа и границы сферы общественного бытия человека / О.Г. Дробницкий // Проблема человека в современной философии. – М.: Наука, 1969. – С. 189–231.
7. Ильенков Э.В. Идеальное / Э.В. Ильенков // Философская энциклопедия. – Т. 2. – М.: Советская Энциклопедия, 1962. – С. 219–227.
8. Ильенков Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
9. Лекторский В.А. Статус деятельности как объяснительный принцип / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 1985. – № 2. – С. 30–35.
10. Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры. Т. I. Таллинн: Александра, 1992. – С. 90–102.
11. Любутин К.Н. Отечественная философия советского периода. Очерки. – Ч. 2. / К.Н. Любутин, В.М. Русаков. – Екатеринбург: Издательство УрГСХА, 2002. – 200 с.
12. Мельвиль Ю.К. Пути буржуазной философии XX века: (критические очерки) / Ю.К. Мельвиль. – М.: Мысль, 1983. – 247 с.
13. Пустарнаков В.Ф. Свет и тени в истории советской философии / В.Ф. Пустарнаков // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 8–12.
14. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса / С.Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. – С. 19–47.
15. Юдин Э.Г. Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения / Э.Г. Юдин // Вопросы философии. – 1976. – № 5. – С. 65–79.

Сведения об авторе: Захаров Денис Владиславович – старший преподаватель кафедры философских проблем медицины Астраханской государственной медицинской академии.
414 038, г. Астрахань, ул. 1-ая Бондарная, д. 8, тел.: 89053600315, e-mail: dz33@yandex.ru

Zakharov D.V.

ABOUT CORRELATION OF ACTIVE AND COMMUNICATIVE PARADIGM AT THE NATIVE PHILOSOPHY OF 60TH-80TH OF XX CENTURY: SUBJECTIVE-OBJECTIVE METHOD

The idea of unity of fundamental postulates of active and communicative programs (paradigms) at the native philosophy of 60th – 80th of XX century is proved in this article on the base of the method of subjective-objective paradigms of historical-philosophical process.

Key words: native (Russian) philosophy of the Soviet period, problem of subject and object, subjective-objective paradigm of historical-philosophical process, paradigm (theory) of activity, communicative program.